

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.032

УДК 070.15 + 342.5 + 316.61 +
+ 94(470) + 94(470.342)**К. Г. АНИСИМОВ***Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В ПИСЬМАХ НАСЕЛЕНИЯ В ГАЗЕТУ «КИРОВСКАЯ ПРАВДА» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

Статья посвящена изучению региональной специфики репрезентации советской власти в «письмах в газету», которые рассматриваются как способ коммуникации общества с властью и пример политической активности жителей Кировской области. В качестве источников привлечены неопубликованные письма читателей, поступившие в газету «Кировская правда» в 1964–1970 гг. Информационный потенциал писем населения дает возможность выделить и интерпретировать типичные и специфические формы репрезентации советской власти в трансформировавшихся социально-политических условиях в СССР во второй половине 1960-х гг. В историографии письма граждан рассматриваются исследователями как неотъемлемая часть советской политической культуры. Анализ писем населения в областную газету предлагает характеристику системы и структуры представлений жителей Кировской области о власти столичного, областного и местного уровней в широком социально-политическом контексте. Интерпретируя представленные в письмах оценки местных руководителей, автор обращает внимание на социально-политические условия в СССР во второй половине 1960-х гг. Особое внимание уделено откликам жителей Кировской области на отставку Н. С. Хрущева, определяющую, по мнению автора, оценки местной власти. На конкретных примерах показывается, что в письмах при характеристике власти население апеллировало к официальному дискурсу. Дается сравнительная характеристика форм репрезентации власти разных уровней — от воспроизводства ее символических («революционных», идейных) образов до определения ее утилитарных значений. Жители Кировской области, обращаясь к власти для решения личных бытовых вопросов и общих социальных проблем, определяли «полезность» ее действий. Автор делает вывод, что в письмах население воспроизводило патерналистскую модель взаимоотношений с советской властью, указывая на то, что характеристика власти определялась региональной социально-политической ситуацией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: письма в газету; общественные представления; советская власть; советское общество; история СССР; Кировская область

Благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Автор выражает благодарность проф. *И. И. Филатовой*, главному редактору проф. *Т. В. Куц* и анонимным рецензентам за ценные замечания при обсуждении статьи.

Ц и т и р о в а н и е: *Анисимов К. Г.* Репрезентация власти в письмах населения в газету «Кировская правда» во второй половине 1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 158–174. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.032>

Поступила в редакцию: 13.02.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Kirill G. Anisimov

*HSE University
Moscow, Russia*

REPRESENTATION OF THE AUTHORITIES IN LETTERS TO THE *KIROVSKAYA PRAVDA* NEWSPAPER IN THE LATE 1960s

This article examines the regional peculiarities underlying the representation of Soviet power in letters to a newspaper which are viewed as a means of communication between the public and the authorities and as an example of the political activity of the population of Kirov Region. The author refers to previously unpublished letters sent to the *Kirovskaya Pravda* newspaper by its readers between 1964 and 1970. The information potential of the population's letters makes it possible to single out and interpret typical and specific forms of representation of Soviet power in the transforming socio-political conditions of the USSR in the second half of the 1960s. Historiographers consider citizens' letters an integral part of Soviet political culture. An analysis of the population's letters to a local newspaper suggests a characteristic of the system and structure of Kirov Region's inhabitants' idea of the capital, regional, and local authorities in a wide socio-political context. While interpreting the assessments of the local authorities present in the letters, the author pays attention to the socio-political conditions in the USSR in the second half of the 1960s. In the article, special attention is paid to the Kirov Region's population's response to Khrushchev's resignation, which, according to the author, determined the evaluation of the local authorities. Referring to particular examples, the author proves that when characterising the authorities in their letters, the population appealed to official discourse. The article provides a comparative characteristic of forms in which the authorities of different levels were represented – from their reproduction in symbolic images (revolutionary and ideological) to the definition of their utilitarian meanings. Turning to the authorities in order to resolve their personal everyday problems and common social problems, the inhabitants of Kirov Region determined the usefulness of the authorities. The author concludes that in their letters, the citizens reproduced the paternalistic model of relationships with the Soviet authorities pointing to the fact that the characteristic of the authorities depended on the regional socio-political situation.

К е y w o r d s: letters to newspapers; public perception; Soviet authorities; Soviet society; history of the USSR; Kirov Region

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

The author is grateful to prof. *Irina I. Filatova*, editor-in-chief prof. *Tatiana V. Kushch*, and anonymous reviewers for their useful comments.

Citation: Anisimov, K. G. (2021). *Reprezentatsiia vlasti v pis'makh naseleniia v gazetnu "Kirovskaia Pravda" vo vtoroi polovine 1960-kh gg.* [Representation of the Authorities in Letters to the *Kirovskaia Pravda* Newspaper in the Late 1960s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 158–174. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.032>

Submitted: 13.02.2020

Accepted: 25.03.2021

Влияние политической власти на повседневную жизнь советского человека, кажется, было безграничным. Официальная идеология влияла на трудовую деятельность, досуговые и бытовые практики, личную жизнь. Весьма часто население сталкивалось с ситуациями, в которых обращения во властные инстанции рассматривались как единственный способ решения многих повседневных вопросов. Но такое положение дел не воспринималось населением исключительно негативно: общество, несмотря на пассивное сопротивление давлению сверху, «в силу многовековой традиции не мыслило себя вне сфер государственного влияния» [Чернышева, с. 119]. Общественное мнение о власти (и о государстве в целом) зачастую формировалось под влиянием опыта общения с ее представителями и зависело от успешности обращений к конкретным государственно-партийным чиновникам.

В российской и зарубежной историографии взаимоотношения населения и власти в СССР уделяется большое внимание. Несмотря на неугасающий интерес к феноменам «сталинизма», в последние годы исследователи стали более интенсивно изучать социально-политические аспекты жизни в позднем СССР (1960–1980-е гг.). Накоплена солидная база работ, написанных на основе эго-документов — писем во власть и в газету, личной переписки, — которые, по определению А. И. Савина, дают возможность почувствовать «вкус и запах» эпохи [Савин, с. 133]. Использование писем населения в качестве исторических источников открывает новые возможности для изучения феномена «советского».

Историки, изучающих советский период, прежде всего привлекает сам феномен письменных обращений граждан во властные структуры (так называемые «письма во власть»). В российском обществе, по замечанию исследователей, исторически сложилась особая челобитная и петиционная культура [Лившин, Орлов, Хлевнюк, с. 6]. Письма советских граждан рассматриваются ими не только как предпочтительная форма коммуникации с властью, но и как эффективный способ адаптации человека к меняющимся социально-политическим условиям [Савин; Морозова]. Одобряемая государством практика письма,

как показывает А. А. Тихомиров, представляла собой «социальную инженерию» и способствовала укреплению «советской идентичности», определению «своих» [Тихомиров, с. 140]. По замечанию А. В. Чернышевой, для государства, которое во время проведения политических кампаний само инициировало большие потоки писем, они служили «барометром общественного настроения» и «клапаном для выпуска социальной энергии и недовольства» [Чернышева, с. 118]. «Письма во власть», по мнению И. Б. Орлова и А. Я. Лившина, следует рассматривать как «реализацию социального контракта», согласно которому и власть, и население действовали в рамках взаимообусловленной модели поведения [Лившин, Орлов, с. 489]. Исследователи, изучающие данный феномен, затрагивают также и проблему кризиса доверия к власти и ее политике на фоне ускорившегося социального расслоения в годы позднего социализма [Попова, 2016; 2017; 2018; Клинова].

«Письма в газету» имели аналогичное значение и представляют интерес для изучения форм диалога власти и общества. По замечанию М. Лено, читательские письма в советские газеты являются «прекрасным и по большей мере не использованным источником информации о повседневных практиках государственного контроля в СССР» [Lenoe, p. 169]. Таким образом, современная историография рассматривает письма населения во власть и в газету как часть советской политической культуры, способ взаимодействия граждан с властью и адаптации к социально-политическим условиям.

Цель данной статьи — проанализировать формы и способы репрезентации советской власти в трансформировавшихся социально-политических условиях во второй половине 1960-х гг. на примере писем населения в региональную газету.

Источниками исследования послужили неопубликованные письма, поступившие в редакцию газеты «Кировская правда» в 1964–1970 гг. Работа с такого рода историческими источниками имеет несколько методологических сложностей. Во-первых, колоссальные объемы корреспонденции не поддаются строгой систематизации и типологизации по единым критериям. Во-вторых, существует проблема выборки источников и доказательства их репрезентативности.

В ходе сбора материала для данного исследования были изучены дела «Неопубликованные письма. Отдел писем» и «Неопубликованные письма. Отдел культуры» за 1964–1970 гг. из фонда «Редакция газеты “Кировская правда”» (П-6777) Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО). Письма, рассортированные по отделам редакции, хранятся россыпью в папках, количество листов в которых варьируется от полутора до трех тысяч¹. Поэтому сложно назвать точное количество изученных писем, но их число достигает нескольких тысяч, если учесть, что в общей сложности просмотрено порядка 15 000 архивных листов, часть из которых — карточки учета и бланки

---

¹ К примеру, в деле № 122 насчитывается 1 616 листов, в деле № 126 — 1 747 листов, а в деле № 170 — 2 863 листа.

с ответами редакции. И хотя не в каждом письме речь идет о непосредственной характеристике власти, в большинстве случаев о ней говорится опосредованно.

В силу объективных обстоятельств не представляется возможным упомянуть обо всех изученных письмах, совершенно уникальных по содержанию. Но их анализ и интерпретация показали, что взгляды жителей Кировской области отличались определенным единообразием. Понимая риск осуществления необоснованных генерализаций, подчеркну, что, работая с такого рода источниками, важно находить общее в частном [Козлова, с. 123]. Приводимые положения и наблюдения подкрепляются выдержками из 25 писем, объем которых — от двух до четырех тетрадных листов. Цитируемые письма иллюстрируют как типичные, так и специфические формы репрезентации власти.

Будучи печатным органом кировского обкома КПСС, газета «Кировская правда» играла важную роль в организации социальной жизни и поддержании массовой коммуникации: газета (в лице сотрудников редакции) выполняла функции «справочного бюро», «книги жалоб», «психологической службы» и «юридической консультации». Об особенностях обращений в советские газеты, в частности, писала в 1978 г. В. В. Учёнова: «Иногда лишь за ним, добрым словом, советом, и обращаются в газету. И нередко, высказав все, что наболело, заверяют редакцию: “Ответ мне не нужен”» [Учёнова, с. 121]. Так, например, жители Кировской области обращались к газете за моральной поддержкой: «Своим заявлением мы просим оказать моральную помощь перед исполкомом Ленинского Райсовета депутатов трудящихся...»² [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 207, л. 738]. Кто-то же требовал особого внимания к себе: «Писал два письма, но ваши товарищи формально отписались. Я не удовлетворен их вниманием к моему существованию» [Там же, д. 170, л. 295].

Неопубликованные письма, в отличие от выверенных формулировок подготовленных к публикации текстов, передают богатую палитру чувств и эмоций писавших их людей. Письменное обращение в газету было продиктовано чрезвычайными жизненными обстоятельствами, поэтому для многих граждан эта практика не была привычной. Иногда автор сообщал об этом в первых строчках: «Мне не приходилось писать Вам ранее, но сейчас в этом появилась необходимость» [Там же, д. 773, л. 44]. Человек, решивший написать в газету, испытывал волнение: «Пишу в редакцию первый раз и прошу прощения, если напишу что-то не так» [Там же, д. 1268, л. 141]. В некоторых же случаях позиция автора письма была более уверенной: «Дак вот дорогая редакция мою маленькую статейку прошу опубликовать в областную газету. Что не правельно прошу переправить» [Там же, д. 126, л. 337 об.].

Несмотря на поддерживаемую государством практику коммуникации через письма, назойливая писательская активность, однако, воспринималась негативно и властью, и обществом. В массовом сознании эта активность нередко ассоциировалась с доносом. Приведу фрагмент неопубликованного фельетона

² Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала.

«Почесался и еще хочется», в котором систематическое «генерирование» писем характеризуется как человеческая болезнь:

Вспыхнула и разгорелась в его душе болезнь, о которой уже упоминалось. Пропал сон, приступы чесотки обострились и началось чистописание. Вопли обиженной души ложились округлыми буквами на листы бумаги, кстати, украденной на фабрике. Запечатывались в пухлые пакеты и летели во все инстанции, начиная с районных и кончая столичными. О чем стенала потревоженная душа? Да обо всем... [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 1268, л. 2].

Таким образом, широкое функциональное назначение газеты обуславливало видовое и жанровое многообразие присылаемых в редакцию «читательских писем». Исходя из анализа коммуникативных намерений авторов, назову несколько литературных форм писем, использованных в исследовании: письма-сигналы, письма-отклики, письма-обращения / просьбы, автобиографические нарративы («факты из жизни»), литературные произведения (юморески, фельетоны, басни, стихотворения, имевшие явный и скрытый политический подтекст), — особенности которых изучены Е. А. Никишиной [Никишина].

Представления о центральной власти в провинциальном обществе, отдаленном от политического центра, формировались опосредованно через прессу, выступления высших чиновников по радио или телевидению и политинформацию местных коммунистов. Пропаганда формировала и корректировала представления о власти, используя сюжеты о достижениях социализма, о внешних угрозах и помощи «братским народам». Все это находило отражение и в письмах: «Я читаю газеты и вижу как заботи[т]ся Советское правительство о народе Советских граждан и можно сказать обовсем народе земнова шара» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 170, л. 897].

Конструирование образов власти определялось как политическим климатом в стране, так и локальными социальными условиями (области, города или деревни). В позднем СССР корректировка политической программы государственными лидерами и смена этих лидеров определяли социальную повестку на местах. Возможность публичного и легального обсуждения власти в критическом ключе в советском обществе появилась во многом благодаря кампании Н. С. Хрущева по «разоблачению культа личности». Критика «старого режима» была направлена на легитимацию нового руководства и его политического курса, устанавливая для него широкие социальные основания.

В обществе, в котором утвердилась установка на критику предыдущего руководителя, ушедший на пенсию некогда «горячо любимый» Н. С. Хрущев стал объектом публичных обсуждений, принявших форму сатирических замечаний, анекдотов, басен, фельетонов и юморесок. Тем не менее, отправляя свое обличительное произведение в редакцию газеты, автор предпочитал сохранять анонимность: несмотря на дозволения «сверху», люди опасались последствий за свои откровенные высказывания.

В 1965 г. в редакцию газеты «Кировская правда» поступило анонимное письмо, в котором житель г. Слободской характеризовал «правление» первого секретаря ЦК КПСС, акцентируя внимание на всех его «злодеяниях». Называя Хрущева сначала царем («Царь Никита жил когда-то / праздно, весело, богато»), затем королем («Был у нас такой король...») — словами, имевшими негативную коннотацию в советском политическом дискурсе, автор письма представил его в образе «угнетателя» советского народа. Особенность произведения состоит в том, что в столь неожиданном и одновременно в столь ожидаемом (судя по реакции населения) смещении Хрущева автор отводит народу решающую роль:

Что ж народ это терпел,
Хоть и досыта не ел.
<...>
Наконец решил народ:
Дальше дело не пойдет.
Пленум быстро мы созвали,
Все вопросы разобрали.
Говорим, пиши Никита
Откровенно и открыто,
Может мы тебя простим
А с поста тебя сместим.

[ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 170, л. 1079 об.]

Обсуждения «перегибов» и ошибок Н. С. Хрущева, на первый взгляд, не ставили под сомнение «непогрешимость» компартии: один человек способен ошибаться, но «Партия всегда права. Она исправляет все ошибки других, она наказывает и милует» [Геллер, Некрич, с. 673]. Однако прежнее руководство, переставшее восприниматься как кормилец (в стихотворении неоднократно говорится о «недоедании» («Белый хлеб совсем забыли...», «Хоть и досыта не ел») и «кормлении» («Чем народ-то ты кормил?»)), подорвало доверие граждан к власти как таковой:

Тут вдруг Брежнев говорит
А народ-то не простит,
Чем народ-то ты кормил
Только речи говорил.
Вот и все сдавай нам дело
Поведем его умело
*Может лет через пятьсот
И оценит нас народ.*

[Там же, л. 1080]

Сам факт появления такого текста, ориентированного, прежде всего, на читающую «Кировскую правду» публику (весьма внушительную по размеру), косвенно свидетельствует о том, что подобные суждения имели широкую социальную поддержку.

Тем не менее, реакция на отставку Хрущева не была единой. В редакцию газеты поступали единичные письма, авторы которых пытались реабилитировать бывшего лидера и его «глубокие народно-демократические преобразования», которые «позволили восстановить в правах славы и уважения <...> добрые имена многих и многих Советских граждан, незаслуженно оклеветанных честолюбием или фанатизмом приверженцев культа личности» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 126, л. 611].

Представления о политической власти формировались не только в контексте официальных обсуждений, инициированных руководством страны, но также и при обращениях населения в государственные и партийные органы для решения личных проблем. По сути, население требовало то, что было обещано государством. Но чаще всего притязания граждан на «достойную жизнь» оставались без удовлетворения. В таких случаях бездействие и неактивность партийных и государственных служащих всегда воспринимались населением крайне негативно.

В 1966 г. в редакцию газеты «Кировская правда» обратился мужчина, который в своем письме выразил крайнее недовольство бездействием депутата Верховного Совета СССР. Проблема заключалась в том, что автор письма не смог получить в личное пользование автомобиль «Запорожец», «гарантированный» ему государством как инвалиду: «Но и от вас не черта не чего нет хорошего только отписка и есть! Вам не кому не черта не нужно некто и ухом не пошевелит. Пока можож да работаешь так всем хорош а как не замог так некому не нужен не черта. Никто внимания не обращает в частности и вы лично! Но я все равно найду еще нашу власть Советов» [Там же, д. 207, л. 1039]. Пообещав «найти власть Советов», автор письма пригрозил сообщить о ситуации в ЦК КПСС: «...иначе больше делать нечего безобразия стало товарищи прямо. Скоро будут выборы так посоветуйте мне голосовать или нет а я не буду потому что обратиться к депутату о помощи так не то что мне помочь так до не него и письмо не дойдет» [Там же, л. 1039 об.].

Люди старшего поколения рассказывали в письмах свою личную историю, которая была неразрывно связана с историей советской власти. Вспоминая о жизни в первые послевоенные годы, автор одного письма, пенсионер, обратил внимание на улучшение состояния больницы, в которой он лечился, отметив при этом заслуги власти: «Теперь другое время. Кормят хорошо, как на убой, смертность резко изменилась. На пятой сессии Верховного Совета тов. А. Н. Косыгин сказал и о больницах что лекарства будут отпускаться бесплатно и цены будут снижены ну и само собой питание еще лучше улучшится» [Там же, д. 126, л. 90 об.].

Выступления высокопоставленных лиц переориентировали социальную жизнь из настоящего в будущее и давали населению установку на уверенность в том будущем, которое, однако, было определено идеологически и политически, но в меньшей мере экономически. Поэтому в мировосприятии советских людей особое место занимали надежды на власть (почти во всем), трансформировавшиеся со временем в перманентные ожидания и требования.

В качестве примера приведу письмо, в котором сообщалось о жизни в дореволюционные годы, когда «крестьянину-бедняку жилось уже известно как... Но пришла на радость Советская власть ожил бедняк и середняк вместе с рабочим классом взял власть в свои руки» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 126, л. 14]. Охарактеризовав роль советской власти в жизни «простого человека», автор закончил свое четырехстраничное письмо следующими словами: «Вот сейчас мы на грани нового 1965 года нас стариков еще встречает большая радость. *Государство* внесло решение дать нам пенсию кто трудился честно и добросовестно. Спасибо ленинской партии советскому государству» (выделено мной. — К. А.) [Там же, л. 15 об.].

Советское государство и коммунистическая партия в сознании людей старших поколений представлялись понятиями тождественными: они помнили, что «Ленинская партия» в 1917 г. основала новую государственность. Особенным образом эта память актуализировалась накануне столетия со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г.:

Она была
Как яблоня-дичок,
Россия до семнадцатого года
И ранее — до встречи с Ильичом.
Да, такова была ее природа,
Что вяжущей своею кислотой
Оскомину незрело набивала.
Но и тогда
она не унывала,
и вновь плодоносящею порой
о лучшей доле думала, бывало,
и своего Мичурина ждала.
И дождалась! И мир услышал: Ленин!!
И наконец-то к ней она пришла —
Пора ее весенних обновлений...

(фрагмент стихотворения «Россия», 1970 г.

Автор не указан) [Там же, д. 772, л. 47]

Местная же власть — от первого секретаря обкома до руководителя предприятия — населением Кировской области воспринималась весьма критично. Нередко в письмах населения в «Кировскую правду» районные и областные руководители изображались как бездельники, пустословы и бюрократы. В декабре 1964 г. на имя редактора газеты Л. Д. Мокерова поступило анонимное письмо с заголовком «Снова доверили бездельнику». Его автор сообщал:

Прочитал я в «Кировской Правде» материалы областной партконференции, особенно интересны были критические выступления в адрес Петухова Б. Ф.³, который

---

³ По воспоминаниям Л. Д. Мокерова, Б. Ф. Петухов, руководивший областью в 1961–1971 гг., в народной среде прослыл «Царем Борисом» [Мокеров, с. 57–62].

не сделал ничего доброго в области сельскохозяйственного производства, будучи I секретарем обкома по сельскому хозяйству. Петухов Борис не заслуживает уважения и доверия быть на посту I секретаря обкома КПСС. Вы еще раз прочтите серьезнее и вдумайтесь в выступления ряда делегатов конференции можете поймете, ему нельзя доверять такой пост. Что же делать, сельское хозяйство из года в год по области падает, а горе-руководители остаются у власти. И так все будет постарому

положение нормально

чувствуем себя хорошо

идем ко дну [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 126, л. 145–145 об.].

Отставка Хрущева в октябре 1964 г., надо полагать, укрепила надежду населения Кировской области и многих местных функционеров на смену руководителя региона. После обсуждений результатов «правления» Петухова на областной партийной конференции и освещения ее итогов в «Кировской правде», в конце 1964 — начале 1965 г. в областную газету поступали отклики на происходившие в регионе политические процессы. Например, в редакцию газеты поступило замечательное по содержанию письмо. В нем было несколько басен, одна из которых — «Кот на суде». Ее автор обличительно охарактеризовал социально-политическую обстановку в регионе в середине 1960-х гг.:

В хозяйстве собрался товарищеский суд,
Зверей и птиц во двор битком набилось:
Хотелось всем узнать в чем дело суть
И что опять с котом случилось.
Барбос — надежный сторож дома, —
Крутнув хвостом, собранию сказал:
«Глухою ночью я, не испугавшись грома,
Кота в кладовке задержал.
Что делать с ним, решайте сами,
Живет и трудится Кот с вами».
Задумались... и тут услышали Козла:
«Кот причинил уже нам много зла,
За драки, кражи и гулянье
Ему не раз давали наказание.
По-моему, так в клетку посадить его —
Иначе нет управы на него».
«Не прав козел, — прохрюкала Свинья, —
Кота взять на поруки предлагаю я,
а что ворует он, домашних избивает,
Так он хозяйских правил всех не знает».
«Кота мы воспитаем, — пробасил Баран, —
За этот труд он будет благодарен нам.
Теперь кто “за”? Повыше “руки”...»
По большинству — Кот взят был на поруки.
Оставшись на свободе, Кот почувствовал раздолье
И, видя, что все «сходит с рук» опять залез в подполье.

[Там же, д. 170, л. 966]

В 1971 г. первый секретарь обкома Б. Ф. Петухов был переведен в Москву на должность заместителя министра сельскохозяйственного и тракторного машиностроения СССР по вопросам внешней торговли [Политические лидеры Вятского края, с. 38]. Справедливо полагать, что повышение руководителя, сыскавшего недобрую славу среди населения региона, серьезным образом дискредитировало центральные государственные органы власти.

Во многих случаях апелляция населения области к столичной власти обуславливалась злоупотреблениями и произволом в системе областного управления. В 1966 г. в редакцию газеты поступило письмо от жительницы г. Киров, которая неоднократно обращалась в местные органы власти и газету для решения «квартирного вопроса». Настойчивое желание женщины решить жилищную проблему руководители городских и областных ведомств сочли психическим расстройством, а заведующий отделом писем доложил о ситуации в Облздравотдел: «Направляем Вам письма т. Косолаповой, поступившие в редакцию. Просим выслушать Косолапову и принять меры» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 207, л. 2 об.]. На действия местных чиновников женщина отреагировала переформулированным высказыванием В. И. Ленина: «Из моей биографии вытекает другая формулировка: “если мы не будем бояться говорить горькую и тяжелую правду напрямик, то безусловно и непременно Вы будете биты и по случаю возможности постоянным местожительством Вашим явится сумасшедший дом, Вас настигает участь изгнанника”» [Там же, л. 2]. Не без иронии женщина отозвалась о руководителях городских управлений: «В день своего рождения, 30-летия... Кировские бюрократы, отписчики, черствые и эгоистичные, прислали мне ряд “систематических” отписок. Спасибо Вам за радостные и чуткие вести в день рождения» [Там же, л. 2–2 об.]. О сложившейся ситуации женщина обещала сообщить председателю Президиума Верховного совета СССР товарищу Микояну [Там же, л. 2 об.].

В письмах жители области выражали веру в добрые намерения центральной власти или, по крайней мере, робкую надежду на нее и демонстрировали убежденность в том, что местные руководители действовали «антинародно». К примеру, о такой ситуации сообщалось в письме с заголовком «Нечеловеческое отношение к людям»: «Сейчас в нашей стране создается все для народа, чтобы народ не тратил время, которое предназначено для отдыха, для полезного труда, а получается так, что у тов. Гольда, что он работает не на народ, а имеет какие-то свои выгоды» [Там же, л. 62 об.].

В редких случаях редакция областной газеты получала письма, в которых областное правительство оценивалось исключительно позитивно, как, например, в письме с ярким заголовком «Я восхищаюсь» (1966). Его автор — женщина, которая в течение 7 лет не посещала г. Киров, поделилась своими впечатлениями: «Какие разительные перемены я наблюдаю. Это благодаря заботам Обкома КПСС и Горкома, а также Горисполкома, которые выполняют решения нашего XXII Съезда КПСС. Да, с такими руководителями можно горы перенести на другое место, а реки заставить течь в другом направлении» [Там же, л. 235].

Субъективное восприятие социальной реальности определяло характер репрезентации советской власти, которая прилагала усилия для ее организации.

Репрезентация власти низшего уровня — районных управлений, сельских советов, руководителей предприятий — имела свою специфику. Особенностью характеристики местных руководителей была попытка «простых» людей высказаться языком, которым говорила советская власть.

Критика культа личности Сталина и волюнтаризма Хрущева предлагала своеобразную модель для характеристики местных партийных функционеров и хозяйственных руководителей. К примеру, в письмах сообщалось, что борьба с «культличностью» требовалась не только в «правлящих верхах», но и среди местных руководителей, партийцев. В качестве примера приведу письмо, поступившее в редакцию в конце 1964 г., с заголовком «Пора закончить с культличностью». Его автор сообщал, что председатель колхоза «морально разложился, вместо того чтобы чаще летом бывать в бригадах в сезон работы, он вместо контроля хода выполнения работ в бригадах возил <...> свою красавицу жену в гости к матери или к поезду для отправки в Киров в драмтеатр, то едет в Зуевку за тещей, то своих сыновей везет в Зуевку к теще. Разве это не культличность?» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 126, л. 50 об.]

Руководство колхозов в буквальном смысле обладало возможностью и правом распоряжаться судьбами людей, разрешая и запрещая им переезд. Показателен следующий случай. В конце 1964 г. в редакцию газеты обратилась жительница Нижнего Тагила, муж которой был уроженцем Кировской области, с просьбой разобраться в ситуации. Оказалось, что супруги планировали переехать в город, но «председатель колхоза не отпускает, настаивает, чтобы [жена] ехала жить к мужу», так как «колхозу нужны люди и колхоз не имеет право отпускать» [Там же, л. 778–778 об.]. Редакция газеты всецело поддержала решение председателя колхоза: «Дело ваше, где вы будете жить, в колхозе или в Нижнем Тагиле. Решение сельхозартели считаем правильным» [Там же, л. 780].

Не последнюю роль в конструировании негативных образов хозяйственных руководителей играла местная пресса. Проанализировав подписную кампанию 1966 г., областное руководство обрушилось с жесткой критикой на районную газету «Лесная правда»: «Если положительная заметка — расхваливание взхлеб, критическая — критика без чувства меры, что ни руководитель, специалист, то консерватор, который тем и занимается, что вставляет палки в колеса» [ЦГАКО, ф. П-1290, оп. 53, д. 74, л. 54]. Критические заметки в газете привлекали внимание людей и оставляли более глубокие впечатления в их сознании. Но часто патетика газетных публикаций вызывала несогласие читателей (о чем, собственно, свидетельствуют письма-отклики на публикуемые в газетах материалы).

В СССР государственная риторика отводила коммунистам «авангардную роль на производстве» [Там же, оп. 61, д. 13, л. 36]. В представлениях рядовых граждан коммунист, в силу возлагавшихся на него партийных заданий и связанных с ними социальных статусов и ролей, ассоциировался с управленческой системой. Партийные собрания трудящихся оказывали социальное давление

не только на членов КПСС, но и на беспартийных, что формировало конфликтную обстановку в коллективе. С подобным случаем в газету обратилась женщина, которая просила помочь ей «восстановить справедливость»: «Я просила разобрать дело на расширенном партийном собрании. Мне отвечают, что я не коммунистка, так если я не коммунистка, так эти руководители, которые создают волокиту и издевательства они же коммунисты. Я прошу только правды и правды. <...> Мне хочется спросить у этих руководителей, какой должен быть коммунист. Им не дано право издеваться. <...> Тунейдкой я не была и не буду» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 122, л. 1055–1055 об., 1057]. В письмах жители области сообщали о жизненных ситуациях, в которых местные руководители не только не решали насущные вопросы, но и создавали другие сложности.

Население чутко воспринимало противоречия во взаимоотношениях с властью, что обуславливало экспрессивную образность при характеристике местных функционеров. Среди множества литературных форм писем в газету были популярны басни, юморески, фельетоны, сопровождавшиеся карикатурами. Акцентируя внимание на социальных противоречиях, авторы юморесок конструировали собирательные образы:

Бюрократ

Своих ошибок он не видел сроду,
Когда укажут — был не рад.
Считал себя примером для народа,
А был на деле — бюрократ.

***

Человек «слова»

На приемах он казался деловым,
Но плохо было тем,
Кто верил обещаниям пустым

[Там же, д. 170, л. 965].

В абстрактных образах власти проявлялись черты местных руководителей и всецело отражалась социально-политическая ситуация в регионе. Население реагировало на острые социальные и политические проблемы не только расхожими анекдотами и частушками, но также откликалось на них вполне безобидными стихотворениями и баснями:

Оса в конторе «Сбор семян»
Твердила: «Мы одна семья,
Смелее критикуйте недостатки,
Пьянчуг и тех, кто любит взятки,
Меня, коль управляю плохо,
Чтоб дело, как болото,
не заглохло».
Но тот, кто искренне поверил ей
Не рад был и, забыв призвание,

Спешил уволиться скорей
У «добренькой» Осы
по личному желанию.

***

Не потому ль на предприятии ином
Все непорядки критикуют... за углом.

(*В. Рутосов* «На словах и на деле». Басня)
[ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 170, л. 967]

Подводя итог, подчеркну, что репрезентация власти в письмах, поступавших в редакцию газеты «Кировская правда» от населения Кировской области во второй половине 1960-х гг., определялась, главным образом, региональной социально-политической повесткой. Имея обыденные представления о «вертикали власти», население региона «нерефлективно» (интуитивно) воспроизводило патерналистскую модель взаимоотношений с центральной властью. В рамках этих отношений «сакральный символизм» власти формировал передний план репрезентаций. Партийные кампании по преодолению последствий культа личности и волюнтаризма определяли характер общественных дискуссий, хотя публичные разговоры о «советской власти», компартии, «ленинском правительстве» и т. д. не могли иметь негативного политического подтекста.

В оценке советской власти важную роль играл и поколенческий аспект. В письмах присутствуют различные характеристики социально-политической реальности и функциональных обязанностей власти. Как правило, люди старших поколений характеризовали власть, используя «сакральный / революционный символизм» и разделяя жизнь на «до и после». Для послевоенных поколений советская власть практически утратила революционные коннотации и приобрела функциональное назначение, измерявшееся населением степенью успешности организации ею повседневной жизни людей.

Интерпретация содержания писем позволяет выделить как особую форму репрезентации власти «стиль руководства», подразумевавший характер практической реализации власти. По мнению населения, он мог быть «царским», демократичным, антинародным, несправедливым, бюрократическим. Такая репрезентация была абсолютно персонифицирована: личность первого секретаря или руководителя колхоза определяла «лицо» власти.

В неопубликованных письмах населения отразилось устойчивое суждение о том, что местные руководители действовали антинародно. Их характеристика часто приобретала аллегорическую и символическую образность, а критика имела двойной эффект. С одной стороны, бюрократические проволочки на местах побуждали население Кировской области чаще обращаться в центральные органы власти, представления о которых формировались под влиянием прессы, радио и телевидения и контрастировали с повседневными наблюдениями за работой областных и районных управлений. Иными словами, в письмах «слабое» региональное руководство противопоставлялось

(все-)сильной центральной власти. С другой стороны, результаты деятельности государственных, партийных, хозяйственных органов областного, районного, сельского уровней не только «искажали» государственную политику, но и дискредитировали советскую систему в целом.

Различные формы репрезентации власти в письмах населения переплетались между собой, экспонируя ее «полезность» не только для всех советских людей, но в большей мере «для себя». Тем не менее, специфика восприятия власти определялась тем, что население, в первую очередь в силу своих ожиданий, обращало внимание на «ненормальности», с которыми сталкивалось в повседневной жизни, в то время как советский идеологический дискурс акцентировал внимание на нормах социальной жизни, обещав ее «неизбежное» улучшение.

Источники

Мокеров Л. Д. Следы памяти: современные мемуары. Киров : Киров. обл. тип., 1992.

Политические лидеры Вятского края : биограф. справочник / сост. В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских. Киров : Лобань, 2009.

ЦГАКО — Центральный государственный архив Кировской области. Ф. П-6777. Оп. 9. Д. 122, 126, 170, 207, 772, 773, 1268; Ф. П-1290. Оп. 53. Д. 74; Оп. 61. Д. 13.

Исследования

Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон : ОРИ, 1982.

Клинова М. А. «При советской власти не должно быть буржуев!»: суждения уральского населения о злоупотреблениях руководства (по материалам писем и жалоб 1964–1982 гг.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2016. № 4 (35). С. 115–123. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2016-4-115-123>

Козлова Н. Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 3. С. 120–133.

Лившин А. Я., Орлов И. Б. Революция и социальная справедливость: ожидания и реальность («Письма во власть» 1917–1927 годов) // Cahiers du Monde Russe. 1998. Vol. 39, № 4. Р. 487–513.

Лившин А. Я., Орлов И. Б., Хлевнюк О. В. Письма во власть, 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М. : РОССПЭН, 2002.

Морозова Т. И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89–97. <https://doi.org/10.17223/15617793/412/15>

Никишина Е. А. Жанровое своеобразие писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.). М. : Языки славянской культуры, 2017.

Попова О. Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е гг. // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 72–81.

Попова О. Д. «Правительство живет при коммунизме, а мы в ниществе...»: Мысли и думы советского народа накануне 50-летия Октября // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 127–135.

Попова О. Д. «Кто не работает, тот не ест»? Советская пропаганда и формирование отношения к собственности у граждан в 1960-е годы: (по материалам «писем во власть») // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. № 3 (60). С. 69–78.

Савин А. И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145.

Тихомиров А. А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 138–158. <https://doi.org/10.21638/Z1170Vspbu24.2016.309>

Учёнова В. В. Беседы о журналистике. М. : Молодая гвардия, 1978.

Чернышева А. В. «Письма во власть» как отражение результатов государственной политики (исторический аспект) // Социология власти. 2005. № 4. С. 114–121.

Lenoe M. E. Letter-writing and the State: Reader Correspondence with Newspapers as a Source for Early Soviet History // Cahiers du Monde Russe. 1999. № 40 (1–2). P. 139–169.

References

Chernysheva, A. V. (2005). “Pis'ma vo vlast'” kak otrazhenie rezul'tatov gosudarstvennoi politiki (istoricheskii aspekt) [“Letters to the Authorities” as a Reflection of the Results of State Policy (Historical Aspect)]. *Sotsiologiya vlasti*, 4, 114–121.

Heller, M., & Nekrich, A. (1986). *Utopiia u vlasti. Istoriia Sovetskogo Soiuzs s 1917 goda do nashikh dnei* [Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present]. London: OPI.

Klinova, M. A. (2016). “Pri sovetskoi vlasti ne dolzhno byt' burzhuev!": suzhdeniia ural'skogo naseleniia o zloupotrebleniakh rukovodstva (po materialam pisem i zhalob 1964–1982 gg.) [“Under the Soviet rule, there should be no bourgeois!": Judgments of the Ural Population on Abuses of the Authorities (Based on the Letters and Complaints (1964–1982)]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 4 (35), 115–123. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2016-4-115-123>

Kozlova, N. N. (1999). Stseny iz chastnoi zhizni perioda “zastoia”: semeinaia perepiska [Scenes from the Private Life of “the Stagnation Period”: Family Correspondence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2(3), 120–133.

Lenoe, M. E. (1999). Letter-writing and the State. Reader Correspondence with Newspapers as a Source for Early Soviet History. *Cahiers du Monde Russe*, 40 (1-2), 139–169.

Livshin, A. Ya., & Orlov, I. B. (1998). Revoliutsiia i sotsial'naia spravedlivost': ozhidaniia i real'nost' (“Pis'ma vo vlast'” 1917–1927 godov) [Revolution and Social Justice: Expectations and Reality (“Letters to the Authorities” 1917–1927)]. *Cahiers du Monde Russe*, 39(4), 487–513.

Livshin, A. Ya., Orlov, I. B., & Khlevniuk, O. V. (2002). *Pis'ma vo vlast' . 1928–1939. Zaiavleniia, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdiam* [Letters to the Authorities. 1928–1939: Applications, Complaints, Denunciations, Letters to Government Agencies and the Soviet Leaders]. Moscow: ROSSPEN.

Morozova, T. I. (2016). Pis'ma sibiriakov vo vlast' v usloviiakh novoi ekonomicheskoi politiki [Letters of Siberians to the Authorities in the Conditions of the New Economic Policy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 412, 89–97. <https://doi.org/10.17223/15617793/412/15>

Nikishina, E. A. (2017). *Zhanrovoe svoeobrazie pisem chitatelei v gazety (na materiale emigrantskikh i sovetskikh gazet 20-kh gg. XX v.)* [Genre Specificity of Letters from Readers to Newspapers (Based on Material from Émigré and Soviet Newspapers of the 1920s)]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Popova, O. D. (2016). “V TsK te zhe pomeshchiki i kapitalisty...”: vospriatie sovetskimi liud'mi sotsial'nogo neravenstva v SSSR v 1960-e gg. [“There are the same landowners and capitalists in the central committee...”: The Soviet People's Perception of Social Inequality in the USSR in the 1960s]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2, 72–81.

Popova, O. D. (2017). “Pravitel'stvo zhivet pri kommunizme, a my v nishchenstve...”: Mysli i dumy sovetskogo naroda nakanune 50-letii Oktiabria [“The government is living under communism, and we in the begging...”: Thoughts and Desires of the Soviet People on the Eve of the 50th Anniversary of October]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 3 (56), 127–135.

Popova, O. D. (2018). “Kto ne rabotaet, tot ne est”? Sovetskaia propaganda i formirovanie otноsheniia k sobstvennosti u grazhdan v 1960-e gody (po materialam “pisem vo vlast”) [“He who works not, eats not?” Soviet Propaganda and the Development of Property Perception in Soviet Citizens in the 1960s (with Reference to “The Letters to the Authorities”)]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, 3 (60), 69–78.

Savin, A. I. (2016). Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaiа forma politicheskoi adaptatsii sovetskikh grazhdan v 1930-e gody [Letters to the Authorities as a Specific Form of Soviet Citizens' Political Adaptation in the 1930s]. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 15(8), 133–145.

Tikhomirov, A. A. (2016). Zasluzhit', opravdat' i vernut' doverie partii: sovetskoe “ia” v pis'makh vo vlast' v rannei sovetskoй Rossii [Earning, Vindicating and Returning the Party's Trust: The Soviet “I” in Public Letter-Writing to the Party-State Authorities in Early Soviet Russia]. *Noveishaiа istoriа Rossii*, 3, 138–158. <https://doi.org/10.21638Z1170Vspbu24.2016.309>

Uchenova, V. V. (1978). *Besedy o zhurnalistike* [Conversations about Journalism]. Moscow: Molodaia gvardiа.

Анисимов Кирилл Геннадьевич

аспирант Школы исторических наук,
стажер-исследователь Международной
лаборатории региональной истории России
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: kanisimov@hse.ru

Anisimov, Kirill Gennadievich

Postgraduate Student, School of History,
Trainee Researcher, International Laboratory
“Russia’s Regions in Historical Perspective”
HSE University
20, Myasnitskaya Str., 101000 Moscow,
Russia
Email: kanisimov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1289-6038>
ResearcherID: X-6129-2018